

Андрей
Вершинский

ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

Андрей Верещинский
От теории к практике (сборник)

«Accent Graphics communications»

2014

Верещинский А.

От теории к практике (сборник) / А. Верещинский — «Accent Graphics communications», 2014

Эта книга была написана в двух славных городах Одессе и Москве, а также по дороге между ними. Книга посвящается маленькому мальчику Лёнечке, который вдохновил автора на написание этой книги и серии небольших рассказов. Автор выражает огромную благодарность любимой жене и замечательному художнику книжной графики Александру Соловьеву. Все герои и события книги и отдельных рассказов являются вымышленными, и любое совпадение с реальными событиями и людьми является случайным.

© Верещинский А., 2014

© Accent Graphics
communications, 2014

Содержание

«Боцман»	6
«Герман»	9
«От теории к практике»	11
«На встречу неизвестному»	13
«Новый мир»	15
«Изумрудные горы»	18
«В поисках помощи»	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Андрей Верещинский

От теории к практике

Иллюстрации: Александр Соловьев

* * *

– Набережная канала Грибоедова 71, – сказал усталым голосом Карл Федорович, садясь на заднее сидение такси. Машина тронулась и плавно поехала по Невскому. «Странно, обычно они более говорливые», – подумал Карл Федорович, закрывая глаза – «а может у меня слишком усталый вид...». Глаза сами собой закрывались, и вот светящиеся окна домов слились в одну большую линию, а веки сомкнулись сами собой...

«Боцман»

Сняв пиджак, Карл Федорович прошел в кабинет, сел в кресло, закрыл глаза и только теперь почувствовал, как он устал. С громадным усилием он заставил себя встать и раздевшись лечь в кровать. Тяжелые веки, будто громадные ворота замка закрылись и Карл Федорович погрузился в сон.

– Профессор, солнце уже высоко, а Вы все дрыхнете, – раздался тихий бархатный голос.

Приоткрыв глаза, профессор увидел перед собой два больших зеленых блюдца.

– Что за черт, – подумал Карл Федорович, слишком большие, почему они висят в воздухе и не падают.

Профессор протер глаза, и зеленые блюдца превратились в два глаза и обрели четкий контур. Профессор увидел перед собой огромных размеров голубого британского кота.

Кот растекся в улыбке – Ну вот и славненько, вот и ладненько. Проснулись.

С этими словами кот развернулся на месте и плавно поплыл по кабинету к выходу. Кот был практически в половину человеческого роста. Как это не удивительно, но он шел на задних лапах. Одет он был в черные шорты с толстым черным кожаным ремнем, который украшала массивная бляшка с изображением «Веселого Роджера», черные плюшевые шлепки, а на голове у него был повязан красный платок. Платок был повязан заливчатски – на полголовы, одно ухо как бы специально вылезало из-под него. На шее у кота на золотой цепи с массивными звеньями висел компас, который он время от времени поправлял. Все движения его были мягкими, плавными и бесшумными и от этого создавалось впечатление, что кот не идет, а плывет по комнате. В окна седьмой квартиры дома 71 набережной Екатерининского канала светило солнце день обещал быть прекрасным, и от этой мысли профессор улыбнулся. В эту секунду кто-то прыгнул прямо на живот лежавшего профессора. От неожиданности Карл Федорович вскрикнул и одним движением привстал на кровати. Большой серый кот смотрел на него немигающими глазами. Карл Федорович понял, что он проснулся, а ведение уплывающего кота был всего лишь сон.

Боцман, – обратился он к серому коту, – сколько раз я просил тебя не прыгать со шкафа на постель, когда я на ней лежу!

Кот в ответ лишь прикрыл большие зеленые глаза и расплылся в сладкой улыбке. Это был очень большой серый плюшевый кот, если бы посадить его на весы, то он потянул на добрых тридцать килограммов. Расположившись на краю кровати, он стал спокойно наблюдать за Карлом Федоровичем.

Кот появился в доме профессора после его морской экспедиции в теплые страны. Путь экспедиции проходил мимо Англии, и, зайдя в один из английских портов – расположившийся в славном городе Ливерпуль, чтобы пополнить запасы провизии и пресной воды, экипаж сошел на берег. Возвратившись с берега, Карл Федорович сидел в своей каюте и писал путевые заметки. В дверь каюты постучали, и в каюту вразвалку вошел боцман.

– Простите, что беспокою, но тут такое дело, Карл Федорович. Иду я, значит, никого не трогаю, а он как прыгнет на меня с дерева, потом на землю да давай носиться вокруг. Я ему: «Беги домой», а он ни в какую, так и увязался за мной. Может, Карл Федорович, Вы возьмете его, а то мы уже отчаливаем, а на берегу я его побоялся оставлять одного.

– Да о чем Вы, любезнейший Антипий Назарыч?

– Да вот о нём, – с этими словами боцман извлек из своего широкого кармана пальто маленького котенка.

* * *

Котенок был серого цвета, маленький и очень забавный. Как только боцман опустил его на пол, он начал скакать по каюте, словно озорной зайчик, изгибая спину.

– Помилуйте, Антипий Назарыч, куда же я его дену?

– А девать его, Карл Федорович, никуда не надо. Пусть у Вас в каюте живет. У Вас тихо, спокойно. Вы – человек хороший и воспитаете его правильно. А я, боцман, на мне весь корабль, мне им и заниматься то некогда.

С этими словами Антипий Назарыч вышел, оставив Карла Федоровича наедине с его новым воспитанником.

Отдали швартовые, и корабль плавно пошел в открытое море. Карл Федорович решил выйти на палубу – проститься с туманным Альбионом. Прихватив с собой котенка, он вышел на палубу и стал смотреть на удаляющийся берег.

– Ну все, направляемся домой, – услышал он слова подошедшего капитана.

– А кто это у вас такой забавный? – спросил капитан.

– Да вот, Антипий Назарыч, подарил это маленькое чудо.

– А как его звать-величать?

– Пока никак.

– А вы его «Боцманом» назовите в честь дарителя! – улыбнулся капитан.

* * *

Но вернемся из далекой Англии в Санкт-Петербург, квартиру номер семь дома 71 набережной Екатерининского канала (ныне Набережная канала Грибоедова).

– Глаша, – позвал Карл Федорович и позвонил в стоявший на прикроватной тумбочке колокольчик.

Через несколько минут дверь тихонько отворилась и в комнату вошла слегка полноватая женщина средних лет. Одетая она была в светлое платье, поверх которого был одет передник.

– Чего изволите, Карл Федорович?

– Принесите мне, Глашенька, горячего чайку, молока, свежую газету и ваших замечательных пирожков.

– Хорошо, Карл Федорович. Куда подать?

– Я буду в кабинете. Поработаю немного с утра.

Глаша посмотрела на кота, улыбнулась и пошла, тихонько шепча себе под нос:

«Опять озорник разбудил профессора».

После того как за Глашей закрылась дверь, профессор встал и стал одеваться.

– Нечего разлеживаться, Боцман, не успеет оглянуться, как день пролетит, а дел море, – сказал Карл Федорович коту.

Кот, сладко зевнув, привстал, потянулся и прыгнул с кровати. Несмотря на свои громадные размеры, он двигался быстро и грациозно.

Встав, профессор стал неторопливо одеваться, а кот, будто оценивая, внимательно смотрел за ним. Карл Федорович был худощавым, выше среднего роста, с острыми чертами лица. На вид ему можно было дать сорок два – срок три года. Лицо Карла Федоровича было загорелым и небритым. Темные волосы слегка спадали на темно-коричневые глаза и закрывали лоб. Темно-коричневый костюм, будто специально подчеркивал его худобу. Белую рубашку с верхней расстегнутой пуговицей и серебряными запонками, украшал разноцветный платок, который был хитрым узлом завязан на шее профессора. Кончик платочка такого же цвета выглядывал из петлички пиджака Карла Федоровича. Коричневые ботинки с черными тон-

кими шнурками были идеально начищены и блестели в лучах солнца. Пиджак был расстегнут, и это позволяло видеть край серебряных карманных часов, которые немного показались из кармашка жилетки. Профессор оделся и подошел к двери, где его ожидала кот. Открыв дверь спальни, они направились в кабинет. Кабинет профессора был просторным, у большого окна стоял массивный дубовый письменный стол, на котором все вещи были разложены в идеальном порядке. Рядом с ним стояло странное сооружение, по форме напоминающее деревянную колонну с винтовой лестницей внутри, причём ступеньки этой лестницы были очень больших размеров. Наверху это сооружение венчала большая площадка с небольшим резным заборчиком, часть площадки занимала темно-бордовая подушка с рюшечками, рядом с ней стояла железная расписная мисочка. С правой стороны на стене рядом с письменным столом висела огромных размеров карта мира, с левой стороны висели два портрета мужчины и женщины в массивных золотых рамах. Оставшиеся три стены кабинеты от пола до потолка, который, к слову сказать, был очень высоким, занимали книжные шкафы. В центре комнаты стояли два кресла и небольшой столик между ними.

Профессор сел за письменный стол, в это время кот подошел к необычному сооружению и стал спокойно подниматься. Поднявшись наверх, он лег на темно-бордовую подушку, практически закрыв её собой. Профессор внимательно прочел написанное на бумаге, лежащей перед ним, и, взяв гусиное перо, макнул его в массивную чернильницу и начал писать размашистым подчерком. Боцман внимательно следил за движениями пера.

Дверь тихо скрипнула и в кабинет вошла Глаша. В руках она несла поднос, на котором стояли два чайничка: один побольше, другой поменьше, большой молочник, сахарница, тарелка с пирогами и любимая чашка профессора. Глаша поставила поднос на край столика и стала неторопливо раскладывать все содержимое подноса. Разложив, Глаша взяла молочник, подошла к необычной колонне, где лежал кот, и налила в миску молока.

– Все готово, Карл Федорович.

– Спасибо, Глашенька. Сегодня на обед я пригласил к нам Сергея Александровича. Попросите Никифора сходить на базар, пусть он купит утку, а Вы, Глашенька, приготовите её нам к обеду.

– Хорошо, Карл Федорович.

В этот момент со стороны открытой двери кабинета раздались звуки, чем-то напоминающие звук прыгающего мяча, который обут в плюшевые тапочки. Карл Федорович и Глаша обернулись. В кабинет припрыгал громадных размеров кролик, но самым необычным было то, что кролик был в жилетке и очках!

– Доброе утро, Герман, – сказал профессор.

– Прохладно ему, вот я жилетку на него и надела, – сказала Глаша и пошла к выходу, приговаривая: «Ну вот, вся честная компания и собралась».

Кролик, тем временем допрыгав до колонны, стал неторопливо забираться наверх. Профессор уселся в кресло, налил себе чай с молоком, достал кусок колотого сахара и стал пить чай «вприкуску» с сахаром. Кролик Герман и кот Боцман наблюдали за ним, сидя на колонне.

«Герман»

История появления кролика Германа в доме профессора была крайне необычна. Как-то раз Никифор отправился на базар с очередным поручением Глаши. Уже купив все необходимое, он пробирался сквозь ряды торговцев к выходу, как вдруг почувствовал, что кто-то в толпе лезет к нему в карман. Быстроты и ловкости Никифору было не занимать, и он молниеносным движением схватил руку, шарившую в его кармане. Повернувшись, он увидел, что держит за руку чумазого мальчугана лет восьми, который вырывался, пытаясь вытащить свою руку. Одет он был в черное затертое пальтишко, черные ботинки с сильно сбитыми носами, разорванные на коленке брюки. На голове у мальчишки красовалась черная кепка, а на шее болтался серый шарф, вторую руку он засунул в пальто, и оно в этом месте топорщилось. Поняв четность своих усилий, мальчуган заныл.

– Дядька, ну отпусти, отпусти дядька, ну пусти, а то руку сломаешь.

– Ах ты, паршивец, – сурово произнес Никифор, нахмутив брови, – вот отведу тебя к околоточному, тогда будешь знать, как по чужим карманам лазить.

– Отпусти дядька. Не губи меня! У меня ни мамки, ни батьки! Один я, как перст. Никто меня не приголубит, никто не пожалеет. Отпусти, Христом Богом молю, – гнусавил мальчуган.

– А что это у тебя под пальтишком, а, сорванец? – заметив шевеление под пальто, спросил Никифор.

– Зайчишка. С этими словами мальчуган вытащил из-за пальто совсем крохотного кролика и протянул Никифору.

Никифор взял кролика, поднес ближе к лицу. Крольчонок, не мигая, смотрел на него и дрожал.

– Ну не бойся, не обижу, – сказал Никифор и улыбнулся. Опустив взгляд, он понял, что мальчугана как ветром сдуло. Забирая крольчонок, он отпустил руку и мальчуган, воспользовавшись этим, убежал.

– Что же мне с тобой делать? Эх....

Подумав немного, он посадил крольчонок в корзину и пошел к выходу. Зайдя на кухню, Никифор начал неторопливо выкладывать продукты на стол, а Глаша сразу раскладывала всё по своим местам.

– Глашенька, тут такое дело. Я, понимаешь, был на рынке, а там парнишка....

– Ой, что это, – вскрикнула Глаша.

Никифор проследил за ее взглядом и увидел, что из корзины торчат два ушка. Он сунул обе руки в корзину и достал крольчонок. Поставил его на пол и сказал.

– Ну, я и говорю, кролик.

Тем временем крольчонок, посмотрев по сторонам, запрыгал в сторону окна.

– Ой, – сказала Глаша.

А кролик неторопливо продолжал свой путь к окну.

– Что это у нас за шум, – раздался голос профессора, который стоял в дверях.

– Да вот, кролик, – сказала Глаша.

В этот момент кролик, будто не замечая расположенного перед ним стула, прыгнул вперед и ударился головой прямо об стул. Все присутствующие засуетились. Никифор и Глаша бросились к кролику, а профессор к кувшину с водой. Профессор взял кувшин с холодной водой и тряпку, лежавшую на столе. Полил из кувшина на тряпку холодную воду и подошел к Никифору, державшему крольчонок. Приложив к ушибленной голове мокрую холодную тряпку, внимательно посмотрел на кролика и сказал.

– А ведь он плохо видит, иначе он бы заметил стул. Первый раз вижу слеповатого кролика. А давайте назовём его Германом.

– Давайте, – подхватила Глаша.

– Вы, Глашенька, поменяйте еще разок Герману холодный компресс и следите за ним, чтобы он больше не бился. А я пойду, подумаю, как для него заказать очки.

Так, в доме профессора появился кролик Герман. Питание и отношение к нему в доме было превосходным, так что вырос он таких размеров, что все, кто его видел, говорили: «Таких больших кроликов я никогда не видел!». Громадные лапы и уши, одно из которых было всегда полуопущено, а второе приподнято, будто настороже, делали его еще массивнее. Его можно было сравнить с учеником первого класса, который чуть – чуть не догнал своих сверстников по росту. Грудка у кролика была белая и пушистая, спина и лапы были коричнево-серыми. Все его тело было покрыто густой шерстью и только на мордочке шерсть была небольшая, как – будто прижатая. Вид у кролика был необычный: первое, что бросалось в глаза, – это очки с круглыми стеклами на его большой голове. Казалось, будто он сейчас возьмет книгу и начнет читать. Два передних ярко белых зуба выделялись на коричнево-серой мордашке кролика. Одет он был в ладно сшитую светлую клетчатую жилетку, которая, как бы это странно ни звучало, придавала ему при его больших размерах некую стройность. Лапы кролика были обуты в светлые клетчатые шлепки, такие же как жилетка. На жилетке было два карманчика, в одном из которых лежал серый носовой платок. Его черные глаза смотрели внимательно и несколько настороженно из под очков. При этом глаза время от времени прищуривались, и создавалось впечатление, будто он вас в чем то подозревает.

* * *

Время шло своим чередом, и настал обеденный час. В передней раздался звон колокольчика, и профессор, оторвавшись от работы, сказал, обращаясь к Боцману и Герману:

– Ну вот и Сергей Александрович пожаловал. Как время пробежало, я за работой и не заметил. Идемте встречать.

И вся троица направилась в переднюю. В передней Сергей Александрович сняв верхнюю одежду, уже шел навстречу хозяину. Это был молодой человек, лет тридцати пяти, среднего роста, слегка рыхловатый.

– День добрый, Сергей Александрович, очень рад Вас видеть, – улыбнувшись, сказал профессор.

– Добрый день, Карл Федорович.

– И вам, ребята, добрый день, – обратился он к Боцману и Герману. Кот и кролик лишь молча смотрели на гостя.

Закончив обед, Карл Федорович, Сергей Александрович, Боцман и Герман расположились в кабинете.

– Дорогой, Карл Федорович, безусловно, ваш доклад в географическом обществе по воздухоплаванию будет интересен и полезен, но, на мой взгляд, Вы измените себе, если этот теоретический труд не подкрепите своими личными наблюдениями и выводами, сделанными на основании собственного опыта, как это было раньше.

– Сергей Александрович, неужели Вы, предлагаете мне свершить полет на воздушном шаре?

– Нет, Карл Федорович, я не просто предлагаю Вам совершить полет, я предлагаю построить этот воздушный шар, перейдя от теории к практике.

– А ведь это прекрасная мысль, милейший Сергей Александрович, – при этих словах глаза у профессора загорелись.

– Нет, это будет не просто воздушный шар, а целый дом для путешествий по воздуху!!!

«От теории к практике»

Идея построения дома для путешествий по воздуху полностью захватила профессора, и он, не жалея сил, днями и ночами придумывал и переносил свои идеи на бумагу. Долгими зимними вечерами, плавно переходящими в ночь, он сидел за письменным столом, чертя все новые и новые детали будущего летучего дома, и только кот и кролик сидели рядом также, не смыкая глаз. Свечи долго не гасли в кабинете. Чертёж много раз менял своё очертание пока не приобрел свой окончательный вид. После того, как чертеж был закончен, Карл Федорович приступил к постройке дома для путешествий. Работы по постройке были начаты под Санкт Петербургом в начале весны. Дело продвигалось медленнее, чем предполагал Карл Федорович, но зато все делалось «на совесть». И вот, все было закончено.

Дом для воздушных путешествий не был похож на обычный деревянный дом с крышей и трубой, который можно было встретить на каждом шагу, это был не дом а, скорее, корабль. Это сходство объяснялось очень просто. В процессе создания Карл Федорович рассматривал различные варианты посадки воздушного судна. Одним из вариантов была посадка на воду. Рассматривая его, Карл Федорович пришёл к выводу, что поскольку часть пути будет пролежать над морями и океанами, летающий дом для путешествий должен быть как корабль, чтобы при аварийном приводнении он не утонул и смог плыть по воде. Поскольку Карл Федорович больше всего из парусного флота любил каравеллы, за основу была взята каравелла Христофора Колумба – «Санта Мария». И вот, вместо дома появилась летучая каравелла «Роза Ветров». Каравелла внешне представляла собой уменьшенную копию корабля известного первооткрывателя: как и в корабле Колумба, носовая часть возвышалась над палубой и на ней располагалась смотровая площадка. На палубе, расположенной посередине корабля, вместо грот-мачты, которая, как известно, является второй мачтой от носа корабля и при этом самой большой, располагалось оборудование, которое надувало воздушный шар. Это оборудование расположилось в небольшом помещении, войти в которое можно было прямо с палубы. От крыши помещения шла небольшая труба к шару, её размеры легко позволяли быстро надувать шар, и при этом она не мешала обзору. На палубе в сложенном виде расположилась грот-мачта, которую при необходимости можно было легко установить. Её части также располагались на крыше помещения, в котором было оборудование для воздушного шара. Кроме того, на палубе расположились две лодки, которые были закреплены на механизме для их спуска на воду. Лодки планировалось использовать в случае приводнения корабля. Сразу за палубой следовала надстройка, которая была меньше палубы, при этом на ней по бокам расположились закрепленные сундуки, в которых находились паруса. На неё можно было подняться по двум трапам, расположенным по бокам. Оказавшись на ней, можно было зайти в расположенную на этом уровне гостиную и кабинет, которые имели отдельные входы. На уровень выше шла надстройка, которая была самым высоким местом кормы, да и всего корабля, на которой располагалась рубка, закрытая от всех ветров и дождей стеклянным куполом, разбитым на открываемые секции. Внутри рубки располагался удобный диван, штурвал, рычаги управления винтами и оборудованием шара. По всему судну были установлены высокие борта в половину человеческого роста, которые были украшены резьбой. Каравелла была раскрашена до ватерлинии в синий цвет так, что когда она плыла по небу, то практически сливалась с ним раскраска верхней части была более яркая.

Летучая каравелла была оборудована всем необходимым. В корме располагалась просторная гостиная и кабинет, рядом с ними расположились две спальни, небольшая кухня и кладовка находились на носу. Технические помещения и оборудование для воздушного шара располагались посередине. На палубе были установлены шесть небольших пушек: две спереди, две сзади и две посередине на левом и правом бортах. Кроме этого, палуба была оборудована

тремя смотровыми площадками, оснащенными двумя подзорными трубами и одним телескопом. Телескоп располагался на корме в рубке, а подзорные трубы на носу, по обе стороны. Наблюдение могло производиться в любую погоду, так как смотровые площадки были закрыты от ветра и дождя прозрачными куполами и со стороны походили на небольшие обсерватории, позволяющие наблюдать как небо, так и землю. Смотровая площадка, расположенная на корме, была соединена с рубкой и представляла собой единое целое пространство. Кроме того, каравелла, как всякое судно, располагала тяжелым якорем на длинной веревке, который закреплялся на носу, и корзиной с механизмом для спуска и подъёма, как грузов, так и пассажиров, что позволяло, не приземляясь на землю, получать и отправлять грузы. Механизм располагался по правому борту и несколько выделялся на фоне массивного борта каравеллы.

Воздушный шар более чем в десять раз превышал размеры самой каравеллы. Только такие размеры позволяли поднять в воздух каравеллу. Шар был прикреплен к каравелле сотнями различных тросов, при этом эти тросы, обвивая шар, создавали подобие сети, опутавшей его. Шар состоял из множества разноцветных секций, независимых друг от друга, что делало его более безопасным и в случае повреждения одной секции не приводило к падению шара. По своей форме он чем-то напоминал громадных размеров тыкву, пойманную в сеть. На корме по левому и правому борту были установлены два громадных винта, заключенных в стальные обручи, приводимые в действие паровой машиной, которая располагалась под гостиной и кабинетом. Две небольшие трубы от паровой машины выходили вверх, возвышаясь над кормой.

Итак, каравелла «Роза Ветров» была построена, испытана, запасы собраны, маршрут намечен. И вот, ранним летним утром, когда большой диск яркого солнца только показался на горизонте, на большой поляне в окрестностях Санкт Петербурга заканчивались последние приготовления перед началом путешествия. Карл Федорович отдавал последние распоряжения Глаше по ведению хозяйства в его отсутствие. Никифор проверял запасы, сверяя их со списком, который он держал в руках, Герман с интересом изучал дом, Сергей Александрович вместе с рабочими проверял оборудование, и только Боцман невозмутимо лежал, щуя глаза и расплывшись в улыбке, и смотрел на восходящее солнце.

Все последние проверки были завершены, запасы проверены, указания даны и Карл Федорович, простившись с провожающими, дал команду отвязать тросы и каравелла начала медленно подниматься вверх. В этот момент по щеке Глаши потекла слеза и она, вытерев её, замахала платком. Карл Федорович улыбнулся и тихо сказал.

– До встречи!!!!

Шар медленно поднимал каравеллу вверх, а порыв ветра уносил путешественников в никому из них неведомые края...

«На встречу неизвестному»

Солнце поднималось все выше и выше, внизу просыпалась жизнь, каравелла бесшумно плыла по небу, унося путешественников все дальше и дальше. Управлять воздушной каравеллой свободно мог и один человек, поэтому в это путешествие Карл Федорович взял только кролика Германа и кота Боцмана. Во время попутного ветра каравелла бесшумно плыл по небу, а когда ветер менялся или наступал штиль, Карл Федорович запускал паровую машину, которая приводила в действие винты, и каравелла плыла по небу, пыхтя как паровоз и пуская маленькие облака пара.

Жизнь на «Розе Ветров» текла также размерено и неторопливо, как и сама каравелла плыла по небу, временами разрезая облака. Кот, не изменяя своим привычкам, после обильного завтрака, приготовленного Карлом Федоровичем, шел на нос каравеллы и, свернувшись калачиком, клал морду на борт и в полудреме наблюдал за проплывающими внизу лесами, полями, реками, деревнями и городами. Деревья, люди, дома и многое другое с высоты птичьего полёта казались маленькими – игрушечными. Из этой блаженной полудрёмы его выводили только пролетающие мимо стаи птиц, к которым он со временем стал относиться спокойно и голос Карла Федоровича, приглашавшего к обеду или ужину. Если выдавался солнечный день, Боцман мог целый день нежиться на солнышке и мурлыкать себе под нос убаюкивающую мелодию. Мирное течение облаков, голубое небо, – всё это, плюс спокойный, слегка освежающий ветерок, вводили Боцмана в состояние полудрёмы. Великолепные виды, открывающиеся с каравеллы, плавно перетекали в красочные сны, и Бегемот улыбался, открывая на всеобщее обозрение свои белые зубы.

В отличие от Бегемота, Герман, как верный паж, всюду следовал за Карлом Федоровичем. Изредка поправляя передней лапой очки, он прыгал за Карлом Федоровичем из гостиной в кабинет, из кабинета на палубу, с палубы в кладовую. Он внимательно наблюдал за всем, что делает Карл Федорович. Став членом экипажа «Розы ветров», Герман получил красный в черную клетку жилет, который был застёгнут на все пуговицы. Несмотря на свои исполинские, для кролика, размеры Герман очень быстро передвигался по каравелле следом за стремительным Карлом Федоровичем. Даже лестница на верхнюю палубу, располагавшаяся на корме корабля, не представляла для него труда – он с легкостью прыгал по ней и оказывался на корме.

Все трое собирались во время еды или после ужина, когда профессор настраивал телескоп и они втроём, по очереди, наблюдали за звёздами. Дни стояли ясные и ночью небо было чистое, звезды были все как на ладони. Наблюдая за звездами, профессор рассказывал о звёздах, созвездиях, туманностях, галактиках мифах и легендах связанных с ними. Они могли часами сидеть и любоваться звёздным небом. Приблизившись к южному полушарию, путешественники смогли наблюдать невооружённым глазом Большое и Малое Магиллановы облака. Эти карликовые галактики вызвали большой интерес у всех путешественников. «Роза Ветров» неторопливо несла своих пассажиров к новым интересным событиям.

Небо становилось серым и хмурым, тучи со всех сторон окружали «Розу Ветров». Внизу волны становились всё больше и больше, а цвет океана всё темнее. Волны словно пытались достать до путешественников. Ветер усиливался и, несмотря на немалый вес корабля его начало мотать из стороны в сторону как пушинку.

Кот и кролик сидели в гостиной и с ужасом смотрели на происходящее снаружи. Профессор бегал по палубе, пытаясь собрать незакрепленные вещи, чтобы они не улетели. Наконец он собрал все необходимое и весь промокший, но довольный собой, вошел в каюту. Буря усиливалась. Небо стало практически черным, пошел дождь, океан внизу бушевал. Каравеллу мотало из стороны в сторону, дождь только усиливался, вокруг сверкали молнии, путешественники, закрывшись в каюте, смотрели на происходящее. Раскаты грома каждый раз заставляли

вздрагивать кролика Германа, его глаза становились с каждой минутой всё больше и больше, а сам он съеживался и становился всё меньше и меньше. В отличие от Германа, Боцман как заправский моряк, переборов первый страх, уселся рядом с профессором и наблюдал за происходящим. От каждого порыва ветра корабль раскачивало как на волнах, канаты трещали, но корабль стойко держался. Вспышки молний освещали небольшой участок неба вокруг корабля. Корабль, как перышко, мотало из стороны в сторону. Постепенно корабль начал описывать круги, вначале большие, но постепенно все меньше и меньше. Каравелла оказалась в центре громадной воронки и ее засасывало внутрь. Скорость с каждой минутой возрастала, корабль крутился всё быстрее и быстрее. Постепенно потоки ветра начали поднимать воду в океане и кружить её. Вода поднималась всё выше и выше, воронка увеличивалась в размерах, и вот уже путешественники перестали понимать, где они: в воздухе или под водой.

Гул ветра, треск канатов, раскаты грома, капли дождя, бьющиеся об иллюминаторы, все это слилось воедино. Время как будто остановилось, и путешественники один за другим засыпали от усталости не в силах больше бороться с усталостью.

«Новый мир»

Открыв глаза, профессор огляделся и понял, что он лежит на диване, в иллюминатор светит солнце. Герман и Боцман спали в креслах неподалеку от него.

– А ну, вставайте, сони, – крикнул профессор.

– И что расшумелся, поспать не даёт, – донеслось до профессора. Он окинул взглядом каюту, но никого не увидел.

– Видимо усталость, – вздохнув, сказал профессор.

– Ну если устал, лежи себе и других не тревожь, – послышался тот же голос. Профессор оглянулся на голос.

– Спал бы себе и спал, так нет, давай, вставай, не нравится им видите ли, что я сплю, они встали и хотят чтобы все проснулись и бегали, – эти слова произносил кролик Герман, стоявший посреди каюты с зарытыми глазами и качающийся из стороны в сторону.

– Брррр! Что это со мной... – произнес профессор, тряся головой и потирая глаза.

Профессор и кролик Герман смотрели друг на друга, не открывая взгляд. В этот самый момент, когда они внимательно изучали друг друга, кот слез с кресла, потянулся и, пройдя мимо них в сторону палубы, сказал:

– Молочка бы сейчас холодненького – кружечку.

Карл Федорович и Герман одновременно обернулись и посмотрели на Боцмана.

– Что ты сказал? – одновременно спросили Карл Федорович и Герман.

– Молочка бы, – сказал кот и замер.

Все путешественники, молча, переглядывались. Первым нарушил молчание кот:

– Может, мы пойдем, нальем себе по кружечке молочка, да и поговорим об этом на сытый желудок?

– Пожалуй ты прав, – сказал профессор, и все трое двинулись в сторону кухни.

Налив по большой кружке молока, путешественники сели за стол и стали, не спеша, молча пить, поглядывая друг на друга. При этом кот и кролик сидели за столом и, держа в лапах кружки, пили молоко. Стоит заметить, что до этого и кот и кролик пили молоко из небольших мисочек, которые лежали на маленьком столике, стоявшем рядом.

Итак, давайте обсудим, – начал профессор, глядя попеременно то на кота, то на кролика.

– Мы сидим все втроем за столом пьем молоко из кружек, а у меня создается впечатление, будто я сплю. И это потому, что вы оба только что разговаривали и сидите за столом и пьете молоко из кружек, а не из блюдечка, а между прочим до этого я такого за котами и кроликами не замечал. Что Вы на это скажете?

И он вопросительно посмотрел сначала на кролика, затем на кота.

Кот, держа кружку одной лапой, сделал изрядный глоток, поставил её на стол и, улыбувшись «молочной» физиономией, ответил:

– А молочко – то превосходное. Да, я говорю и пью это восхитительно молоко из кружки. Просто сегодня я не мяукаю, а говорю и пью, а не лакаю как вчера. А объяснить я это не могу. С нами, что – то произошло, и мы изменились, но не все. Вот Вы, профессор, ведь не мяукаете, а, как и прежде, разговариваете.

– А ведь и правда, вчера мы попали в ужасную бурю, но я не помню, как это закончилось, – задумчиво произнес профессор.

– Где мы сейчас и куда направляемся? – спокойно спросил кролик Герман, поправляя свои очки. – Мы не выходили на палубу со вчерашнего дня. И не знаем, что происходит за бортом...

– Герман, ты совершенно прав, нам срочно необходимо посмотреть, что происходит и куда мы движемся! – вставая из – за стола, сказал профессор.

Кролик и кот быстро встали из – за стола и бросились догонять профессора, направлявшегося на палубу. Распахнув дверь, они вышли на палубу и, прищуриваясь от яркого солнечного света, прошли на нос каравеллы.

Каравелла неторопливо плыла по небу, внизу играя в лучах солнца, плескался рубиновый океан, а из него, будто желая глотнуть свежего воздуха, выныривали рубиновые рыбки. Небо было безоблачное, небольшой ветерок обдувал лица путешественников. Тишина нарушалась только долетавшими до путешественников всплесками.

– Какой необычный цвет у океана и какие удивительные рыбы, – сказал профессор, заворожено глядя на взлетающих над водой рыбок.

Рубиновые рыбки, вырываясь из водной бездны, взлетали над водой и, совершая немислимые пируэты, ныряли в воду. Их покрытые рубиновой чешуёй тела переливались в лучах солнца и играли как драгоценные камни. Рыбки вырывались из водных глубин стаями и, поднимая сотни брызг, ныряли в океан.

Оторвавшись от этого зрелища, профессор взял компас и сверился с курсом. – Все правильно, идем верным курсом, как и шли.

Вернувшись в кабинет, он взял подзорную трубу и начал изучать горизонт.

– Карл Федорович, голубчик, можно ли мне взглянуть в Вашу чудесную подзорную трубу, – тихонько спросил, будто мурлыча, кот.

– Пожалуйста, только аккуратно. Подзорная труба – хрупкий прибор и с ним надлежит очень аккуратно обращаться, – сказал профессор, протягивая коту подзорную трубу.

Взяв двумя лапами подзорную трубу, кот прикрыл один глаз, а ко второму поднес трубу. При этом вид у кота был как у настоящего «боцмана» – покорителя морей и океанов. Всматриваясь в горизонт, кот время от времени менял, подкручивал подзорную трубу, пытаясь сделать изображение более четким, но это ему не удавалось. Но вот, наконец, он достиг желаемого результата и замер.

– На горизонте земля, – важно сообщил он, отдавая подзорную трубу профессору.

– Нет, не может быть. На нашем пути нет никаких, даже самых маленьких островов, – заверил профессор, беря подзорную трубу.

– Что-то мне подсказывает, что это либо очень большой остров, либо материк, – чуть приподняв голову, заметил кот, искоса поглядывая на кролика.

Кролик тем временем, как будто не обращая внимания на профессора и кота, рассматривал рубиновых рыб, изредка поглядывая на горизонт.

– Действительно, у нас прямо по курсу земля, видимо, мы отклонились от курса, – не отрываясь от подзорной трубы, сказал профессор.

– Боцман, принеси мой компас и карту, – продолжая глядеть в подзорную трубу, сказал профессор.

Кот побрел исполнять данное ему поручение, глядя себе под ноги, но тут его внимание привлек непонятный звук сверху. Он поднял глаза и остановился. Рядом с шаром парили три птицы. Птицы были размером с курицу, но с очень яркой раскраской оперения и казалось, что в их раскраске присутствуют все цвета радуги. Птицы бесшумно, но при этом очень быстро, махали крыльями, от чего создавалось впечатление будто они круглые, словно шарики, но, приглядевшись, можно было разглядеть, что этот эффект создают крылья. Птицы, подлетев слева и справа от каравеллы, рассматривали сам корабль и его обитателей. Кот долгое время не мог оторваться от этих необычных птиц и просто неотрывно следил за ними.

Наконец, оторвавшись от этого зрелища, он позвал, указывая лапой на птиц, – Профессор, посмотрите.

Профессор, оторвавшись от созерцания приближающегося берега, обернулся и посмотрел вверх – туда, куда указывал кот. Кролик, как и профессор, наблюдал за птицами, которые по-прежнему находились рядом с каравеллой. Каравелла неторопливо продолжала свое дви-

жение в направлении суши, но ветер усилился, и каравелла начала набирать ход и обогнала сопровождающих ее птиц. А птицы, видимо, потеряв интерес к кораблю и его обитателям, разлетелись в разные стороны.

– Какие поразительные птицы, какая необычная раскраска, – молвил профессор, глядя вслед удаляющимся птицам.

– Да, я в наших широтах таких птиц не встречал, – заметил кролик.

Путешественники глядели на птиц, которые постепенно превратились в точки на горизонте.

«Роза Ветров» приближалась к берегу. Путешественники обернувшись, пошли на нос каравеллы и смогли разглядеть приближающийся берег. Море как будто просто заканчивалось, и сразу начиналась большая цветочная поляна, полностью усеянная цветами различных цветов и оттенков. Над поляной то там, то здесь кружились маленькие и большие птицы, у всех у них было яркое оперение, как у тех, что встретились путникам ранее. Приблизившись ближе, они смогли рассмотреть, что поляна состоит не только из великолепных и совершенно разных цветов, на ней были все в цвету небольшие кусты и цветы больше напоминавшие по своим размерам небольшие деревья, но и тех и других было немного. Птицы зависали над цветком на небольшое время и перелетали к следующему цветку. Пролетая над этой огромной цветочной поляной, которая протянулась вдоль всего берега, насколько было видно взгляду путешественников, они почувствовали волшебный аромат цветов и услышали прекрасное пение птиц.

«Изумрудные горы»

Путешественники смотрели на проплывающую внизу цветочную поляну, слушали пение птиц, их невероятные голоса словно убаюкивали слушателей, и они как во сне слушали эти невероятные переливы. Так, слушая пение птиц и смотря на великолепную картину цветочной поляны, путешественники не заметили, как на горизонте показались горы. Птиц становились все меньше и меньше и их пение становилось все тише и тише, и путешественники, оторвавшись от лицезрения цветочной поляны, увидели приближающиеся горы.

– Впереди горы!!! – воскликнул профессор. – Нам необходимо подняться выше, чтобы не врезаться в них!

И профессор бегом бросился на корму, в смотровую площадку, где располагались органы управления «Розы Ветров». Через несколько минут шар начал наполняться и каравелла не торопясь начала подниматься выше. Постепенно набрав нужную высоту «Роза Ветров» продолжила свой путь, а кролик и кот стали спокойно разглядывать приближающиеся горы. В это время Карл Федорович пошел в кабинет за компасом и картой.

Каменные шпили изумрудного цвета, на которых как ни странно не было никакой растительности, они словно выстроились по росту, сначала небольшие, затем больше и больше, и больше. Самые дальние, скорее всего, были просто огромными. Горы под лучами солнца переливались, и от них исходило изумрудное свечение.

– Это изумрудные горы, – со знанием дела сказал кролик Герман.

– Да, а свечение от них такое теплое, словно волшебное, – согласился кот.

– Что это вы тут обсуждаете, – поинтересовался профессор, подходя к ним.

– Карл Федорович, мы обсуждаем эти волшебные горы, – зажмурив глаза, ответил кот.

Подойдя Карл Федорович, улыбнувшись, начал любоваться изумрудными горами. Оторвавшись от этого зрелища, он раскрыл карту и, сверившись с компасом, долго её изучал.

– А ведь по нашему курсу и вблизи от нас нет никаких подобных земель, – взглянув на кота и кролика, которые тоже рассматривали карту, сказал профессор.

– Но ведь мы её видим!!! – подняв лапу вверх, сказал кот.

– Может мы заблудились? – тихо произнес кролик.

– Нет, друзья мои, компас показывает все точно – этого на карте нет. Вот, где мы были, – указывая на карту, показал профессор, – в этом направлении мы двигались и, судя по показаниям компаса и времени, мы должны быть здесь, но тут только океан!

– Может, это просто неизвестный остров? – предположил кролик.

– Если это остров, то очень большой! А такой остров не могли не заметить путешественники, и мы бы про него знали. Мне он больше напоминает материк, – задумчиво произнес профессор.

– Что же мы будем делать? – глядя на профессора, спросил кот.

– Двигаться вперед в этот неизведанный мир! Я думаю, мы должны изучить этот необычный остров! Ведь мы – путешественники и, возможно, – первооткрыватели этой новой земли! – улыбнувшись, ответил профессор, глядя вдаль.

Изумрудные горы становились все больше и больше, и вот путешественники уже видят их в непосредственной близости от каравеллы. Взглянув вниз, они заметили, что между изумрудными шпилями проходят небольшие тропинки, пересекающиеся между собой, будто дороги.

– Словно лабиринт, если туда попасть, то назад не вернешься, заплутаешь среди этих одинаковых изумрудных великанов, – заметил кролик.

– Да, невероятно, как там можно ходить и не заблудиться! Но ведь ходят, иначе, откуда было бы взяты эти тропинки? – сказал профессор, глядя вниз.

И будто в подтверждение его слов на одной из тропинок появился небольшой человек в зеленой шляпе с большими полями. Он неторопливо шел по одной из тропинок, над которыми пролетала каравелла. Одет он был в зеленый костюмчик и зеленые ботинки. Держа в одной руке небольшой сверток, он что-то насвистывая себе под нос.

– Извините, пожалуйста! – обратился к человечку Карл Федорович.

Человечек, стал быстро оглаживаться по сторонам, потом посмотрел наверх и, увидев каравеллу, бросился бежать, и через секунду он уже пропал из виду, завернув за одну из изумрудных гор.

– Карл Федорович, Вы его напугали! – озадаченно сказал кот, глядя на то место, где только что был человек.

– Удивительно, никогда бы не подумал, что он может так быстро бегать, – улыбнувшись краешками губ, сказал Герман.

– Да, видно, он сильно испугался, но мне кажется, что его напугал не я, а наш корабль. Но зато сейчас мы знаем, что здесь есть люди, и у них мы узнаем, где мы находимся! – озадаченно сказал профессор.

– Если только не разбегутся в разные стороны с испугу, как трусливые мыши, – поправляя платок на голове, прокомментировал Боцман.

Каравелла неспешно плыла над изумрудными горами, путники наблюдали за проплывающим внизу пейзажем в надежде увидеть других зеленых человечков. Но шло время, а на их пути никто не встречался, мимо проплывали изумрудные горы различных размеров и форм, тропинки бежали в разные направления, но они были безлюдны.

Оторвавшись от лицезрения тропинок, кот потянулся и взглянул вдаль.

– Что это там впереди? – прищуриваясь, спросил он.

Путешественники посмотрели и увидели, что изумрудные горы заканчиваются, и впереди показалась большая темная гора, которая была прямо по курсу каравеллы. Приближаясь ближе, путники смогли рассмотреть возникшую перед ними гору. Темные её контуры становились четче, и вот путешественники поняли, что перед ними не просто гора, а большая крепость с замком внутри – замок, возведенный прямо в скалах. Его почерневшие от времени стены состояли из громадных камней, местами потрескавшихся. Стены были украшены всевозможными изображениями немыслимых чудовищ. Верх стен был покрыт зубцами, несколько деформировавшимися от времени. Стены соединяли между собой три башни разной высоты. Башни были, так же, как и стены, потемневшие от времени, с бойницами и небольшими окнами. За стенами возвышался замок с большими окнами, который в отличие от крепостных стен был светлым с крышей из красной черепицы, а из двух труб, расположенных на ней, шел небольшой дымок. Рядом с замком располагалась светлая высокая башня, на которой развивался флаг.

От лицезрения крепостных стен и замка путешественников отвлек удар о корпус каравеллы. Они бросились на звук к правому борту, и в эту минут раздался второй удар. Взглянув вниз, они отшатнулись, увидев, что в них летят десяток камней, по форме больше напоминавших ёжиков. Такой же круглый и будто с иголками камень торчал из борта каравеллы. Внизу маленькие зеленые человечки заряжали новыми «ежиками» свои катапульты. Катапульты были маленькие, но при этом очень мощными, и часть «ежиков» долетала до каравеллы. Человечков было не больше пятнадцати, но при этом они с легкостью справлялись с десятью катапультами, ловко загружая в них «ежиков» и после выстрела быстро подготавливая катапульту для нового удара. И вот очередной «ежик» попал в борт каравеллы, а другой перелетел через нее и воткнулся прямо в палубу.

Карл Федорович бросился в рубку, начал переключать тумблеры и рычаги. Винты закрутились быстрее, и каравелла начала набирать ход. Кот и кролик, осторожно подойдя к краю, взглянули на остающихся сзади зеленых человечков. Последние, пущенные ими «ежики», падали вниз, не достигая своей цели. Кот посмотрел вперед и увидел, что еще немного, и они

покинут изумрудные горы. Но в этот момент каменный «еж» просвистел мимо них и угодил прямо в шар, острым концом он впился в зеленую ткань, которая не выдержала и порвалась, начав выпускать воздух. Каменный «ежик» под напором воздуха, вырывающегося из зеленой секции, отлетел в сторону и понесся вниз. Одновременно с этим два других каменных «ежа» пролетели над шаром и начали свое падение вниз, оставив шар невредимым. Однако четвертый каменный «еж» вонзился в белую секцию шара и, порвав её, также отлетел вниз. При каждом попадании снизу доносились радостные крики маленьких зеленых человечков, следующая группа которых вела огонь из трех более мощных катапульта. Очередной каменный «еж» пролетел выше шара, чуть-чуть не задев его. Он его не задел только потому, что каравелла начала терять высоту из-за полученных повреждений. Увидев, что каравелла снижается, зеленые человечки радостно запрыгали и подбросили вверх свои большие зеленые шляпы. Только благодаря тому, что шар состоял из различных секций, независимых друг от друга каравелла не начала стремительное падение вниз и на разбилась об изумрудные горы. Она постепенно снижалась, а профессор старался сделать все возможное, чтобы это снижение было плавным, но удержать корабль на той же высоте он не мог. Высота гор уменьшалась, и это было спасительным для путешественников. За этими горами протекала широкая река, за которой возвышалась большая, еще более серьезная, черная гора, на которой располагалась крепость и замок.

Путешественники начали готовиться к приводнению. Профессор постепенно снижал высоту, но в этот момент каменный «еж», пущенный зелеными человечками, угодил в верхнюю часть шара и повредил сразу несколько отсеков, и каравелла, стремительно теряя высоту,

рухнула в воду, подняв море брызг и большую волну. Корабль вонзился в водную гладь и, зачерпнув носом воду, поплыл по воде. От резкого падения кот и кролик полетели вверх и ударились о палубу, профессор держался за штурвал, но это его не спасло: его отбросило на диван, благодаря чему падение было не столь жестким. Брызги окатили каравеллу, Герман и Боцман были все мокрые, и, встав на задние лапы, отряхивались.

Каравелла по инерции продолжала двигаться дальше в сторону черной горы. Шар постепенно спускался и закрывал корпус каравеллы, при этом путешественники оказались у него в плену. Корабль полностью был накрыт спущенным шаром, и только не пробитые секции возвышались над ним.

Каравелла двигалась прямо на черные горы, у которых плескалась река. Кот и кролик пытались пробраться к борту, чтобы увидеть, что происходит снаружи. Профессор, находившийся в рубке, попытался оттуда выбраться, но это ему не удалось, так как спустившийся воздушный шар заблокировал дверь. Поняв, что не удастся выбраться наружу так легко, как хотелось бы, он решил остановить корабль, спустив якорь. Нажав на рычаг спуска якоря, он услышал звук разматывающейся якорной цепи. Прошло несколько минут, якорь достиг дна, и корабль, нырнув носом, резко замедлил свое движение. При этом его по инерции немного развернуло в левую сторону, и каравелла остановилась. Кот и кролик лишь немного пошатнулись от резкой остановки, так как к тому времени они уже добрались до борта и держались за него.

Профессор постепенно открывал дверь, помогая при этом себе руками освобождать дверь от сдувшегося шара. Окликнув кота и кролика, он стал пробираться на голос. Встретившись, они принялись обсуждать дальнейшие действия.

– Видимо, шар поврежден, так что взлететь на нем нам не удастся, – глядя на кота и кролика, заметил Карл Федорович.

– Да, мы так резко стали терять высоту, что пробоины, видимо, очень большие, – подтвердил кот.

– Нам надо свернуть шар, чтобы мы смогли свободно перемещаться по каравелле и спокойно оглядеться, а то вдруг у этих зеленых человечков появится желание продолжить начатое, – спокойно заметил кролик Герман.

– Да, давайте соберем воздушный шар и заодно посмотрим какие повреждения, он получил, и сможем ли мы их залатать, – согласился Карл Федорович.

Путешественники начали скручивать воздушный шар, сдувая его отдельные отсеки, которые не были повреждены и поэтому не сдувались. Кот забирался на соответствующий отсек воздушного шара и, прыгая на нем, сдувал его. Кролик и профессор постепенно скручивали сдувавшуюся часть воздушного шара. Втроем это получалось легко, и они быстро смогли освободить правую половину корабля. Шар в этой части не имел пробоин и путешественники просто сдували и скручивали его в аккуратный рулон, но, дойдя до левой половины, скрученный рулон стал очень большим и неудобным, и путешественники были вынуждены продолжить скручивать воздушный шар с другой стороны, но это продолжалось недолго, так как скоро они увидели первые дыры в ткани воздушного шара. Повреждения были большими, и от них поврежденные отсеки быстро сдувались, и шар не мог удержать каравеллу в воздухе. Поврежденные участки шара путешественники не скручивали, а внимательно изучали. Постепенно они освободили каравеллу и собрали воздушный шар.

Изучив повреждения шара, путешественники расположились на палубе, чтобы передохнуть. Профессор посмотрел на кота и кролика и грустно сказал:

– Мы не сможем заделать эти повреждения, они слишком значительные. Эти коварные ежики повредили слишком значительные куски шара, и мы просто не найдем столько материала на заплатки.

– А если мы возьмем паруса, их наверняка хватит, чтобы залатать эти дыры! – воскликнул кот.

– К сожалению, парусная ткань не подходит для этого, – улыбнувшись, ответил профессор.

– Что же нам делать, если шар поврежден, и мы не можем улететь? – поправляя очки, спросил кролик.

– Нам необходима помощь, мы должны подняться в замок, который мы видели перед падением, и попросить о помощи, – глядя на возвышающиеся перед каравеллой скалы, сказал профессор.

– Но в замке могут быть те же зеленые злобные человечки, которые атаковали нас «ежиками», – возразил кролик.

– Герман, к сожалению, действительно, в замке могут оказаться именно они, но нам без посторонней помощи не обойтись, и мы просто вынуждены пойти и осторожно посмотреть, кто там обитает, – печально ответил профессор.

– Значит, мы просто пойдем и для начала посмотрим, кто обитает в замке?

– глядя на профессора, спросил кот – а кто же будет охранять корабль, я мог бы остаться?

– Нам надо держаться вместе, один ты спасти от нападения корабль все равно не сможешь, а попасть в лапы к этим зеленым человечкам можно, так что идем все, – поднявшись, сказал профессор – ну что ж, в путь, друзья мои.

«В поисках помощи»

Путешественники собрали в дорогу небольшие припасы, спустили лодку и, отчалив от каравеллы, поплыли в сторону черных скал, которые располагался как раз напротив каравеллы. На веслах сидели кот и кролик, а профессор сидел на корме лодки и смотрел на черные скалы, в сторону которых они двигались. Вдруг лодку развернуло и понесло быстрым течением. Впервые оказавшись на веслах, кот и кролик долго не могли справиться с течением. Они гребли кто куда, не попадая по воде веслом. Лодка двигалась только за счет быстрого течения, и они долго ничего не могли с этим поделать. Постепенно освоившись, они смогли слаженно грести двумя веслами, и лодка стала тихонько двигаться в сторону берега. Однако, несмотря на их усилия, лодку сносило быстрым течением, и уже через несколько минут путники, оглянувшись на каравеллу, не увидели её – она скрылась за поворотом. Река несла путников все дальше и дальше от каравеллы, мимо проплывали темные скалы, изредка на них можно было увидеть небольшие, каким-то чудом державшиеся деревья. Но вот черные скалы сменились поляной, и профессор попросил друзей грести быстрее. Кот и кролик старались грести изо всех сил, и лодка начала постепенно приближаться к берегу. Когда путешественники смогли причалить к берегу, их уже довольно далеко отнесло от черных скал, на которых располагался замок. Затащив лодку на берег так, чтобы её не унесло, путники двинулись назад к черным скалам, которые виднелись вдалеке.

Плывя по быстрой реке, путники не могли рассматривать окружающий пейзаж, так как были заняты причаливанием к берегу. Однако сейчас, идя в сторону черных гор, они могли спокойно осмотреться. На другой стороне реки по всей её длине располагались изумрудные горы с острыми шпилями. Путники шли по большой, раскинувшейся до горизонта, зеленой поляне, и только впереди возвышались черные скалы, к которым направлялись друзья.

– Какое странное место, – заметил кролик – ни кустика, ни деревца – только трава. А впереди, будто стен, возвышаются эти неприступные черные скалы. Карл Федорович, как же мы сможем на них забраться?

– Если кто-то построил этот замок на этих скалах, то он наверняка подумал и о том, как туда можно добраться, – глядя на приближающиеся скалы, ответил профессор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.